

“ТЕПЕРЬ ВАША СУДЬБА РЕШЕНА”

Беседа обозревателя газеты “Завтра”
Владимира Винникова с Александром Казинцевым

Когда в середине сентября 2018 года я по заданию редакции созвонился с Александром Ивановичем Казинцевым и договорился о беседе с ним, которая должна была выйти ко дню его 65-летия, то, конечно, даже не подозревал о том, что по ряду причин всё изменится, и вместо неё в газете выйдет статья самого Александра Ивановича. Тем более, не подозревал, что пройдёт чуть более двух лет — и Казинцев уйдёт из жизни, не дожив даже до 68... Можно считать эту беседу поминальным венком на его могилу.

Вечная память!

“ЗАВТРА”: Александр Иванович, Вы – литературовед, критик, организатор литературного процесса, вот уже более 30 лет работаете заместителем главного редактора журнала “Наш современник”, можно сказать, что принимали непосредственное участие в судьбах тысяч публикаций и сотен их авторов. 4 октября Вы отмечаете своё 65-летие. Грех не воспользоваться таким замечательным поводом, чтобы не поговорить о пройденном вами жизненном и творческом пути, о людях, с которыми общались, о тех событиях и процессах в истории нашей страны, свидетелем и участником которых Вы были. Есть хорошая русская пословица: “Яблоко от яблоньки недалеко падает, да далеко закатывается”. Поэтому расскажите, если это не секрет, о своей семье, о своих корнях, о своём “родовом древе”.

Александр КАЗИНЦЕВ: Я родился в Москве, поэтому можно сказать, что коренной москвич, хотя матушка моя приехала в Первопрестольную из Киева, а отец – из Воронежа. Они работали в авиационной промышленности, были инженерами. Но при этом отец увлекался живописью, писал картины, а стихией мамы была поэзия, она в начале 50-х годов ходила в студию “Молодой гвардии”, где царствовали Семён Гудзенко, Алексей Межиров и Наум Коржавин, который тогда был ещё Менделем. Так что семья была не без гуманитарных традиций, и, разумеется, у нас в доме было много книг: и специальных технических, и художественных. Окончил я спецшколу при Академии педагогических наук, это был такой экспериментальный советский Лицей с классами всех направлений, я учился в литературном. Понятное дело, что там преобладали “номенклатурные” дети из семей работников ЦК, дипломатов, высокопоставленных военных, чекистов, творческой “элиты” и так далее. Настрой в этой среде, был, сразу скажу, антисоветский, особенно после 1968 года, известных чехословацких событий. Кстати, у нас учились и чехи, но их сразу быстро куда-то эвакуировали... И, что меня тогда больше всего поражало, наиболее антисоветски настроенными были дети сотрудников КГБ и МИДа,

начиная от полковников и выше. Это была уже “Берёзка”, чеки, виски, джинсы, девушки – та самая “золотая молодёжь”, которая восхищалась всем западным, особенно американским, от музыки и фильмов до полётов на Луну.

“ЗАВТРА”: А в чём заключались их претензии к советской власти? В том, что всё это было нужно скрывать, что они не могли свободно пользоваться запретными, но сладкими плодами “загнивающего Запада”? И вообще, что они были достойны большего, чем ассортимент “Берёзок”?

Александр КАЗИНЦЕВ: Конечно, большего. Намного большего! Ведь, понимаете, у человека всегда есть причины для недовольства своей жизнью, а следовательно – и тем миром, в котором ему приходится жить. С одной стороны, не хватало свободы, с другой стороны – справедливости, с третьей – прогресса, а добавок присутствовала ещё и некоторая, я бы сказал, сероватость, причём принципиальная сероватость советской жизни. И, наверное, – это же были молодые, энергичные и достаточно эрудированные люди, не загруженные какими-то бытовыми проблемами, – им хотелось чего-то яркого и необычного для себя. Как я сейчас думаю, нужно было тот же советский дискурс подавать всё-таки более разноцветно и разноформатно, но тогда об этом, к сожалению, совершенно не думали.

Закончил я школу в 1970 году – с нормальными, кстати, оценками, – и отец повёл меня знакомиться к проректору МГУ, который в ходе разговора поинтересовался, где я хочу учиться. Я сказал, что на журналистском факультете. “Почему?” – спросил он. “Потому что там учиться не надо!” – ответил я.

“ЗАВТРА”: Так Вы, значит, попали в МГУ по знакомству, “по благу”?

Александр КАЗИНЦЕВ: Не думаю, что моя фамилия тогда перешла в какие-то “блатные” списки, учили нас в нашей спецшколе всё-таки очень качественно, поэтому речь, скорее, шла не о том, чтобы я мог успешно сдать вступительные экзамены и получить студенческий билет, а о каких-то более сложных и тонких статусных моментах. Ведь потом, на журфаке МГУ, я действительно почти не учился, зато почти всё своё время проводил в удивительно богатой университетской библиотеке имени Горького в Доме Пашкова на Моховой – почти столь же богатой, как и “Ленинка”, но тогда намного более демократичной и свободной в плане доступа к её фондам. Многие поэты Серебряного века – тот же Ходасевич, например, – у нас были в свободном доступе, а в “Ленинке” – в спецхране, и там всякого, кто проявлял к ним интерес, “брали на карандаш”. Надо сказать, что туда, в Ленинскую библиотеку, я ходил ещё лет с девяти-десяти – отец брал меня с собой, по моей просьбе, и проводил в читальные залы под тем предлогом, что вот ребёнка не с кем оставить. Сердобольные библиотекари, конечно же, пропускали. И я сразу просил отца заказать военные мемуары: Черчилля, Ллойд-Джорджа и так далее. С детства интересовался тем, что сегодня называют “нон-фикшн” – прямыми историческими свидетельствами, даже ходил по букинистическим магазинам и покупал там книги на свои “карманные” деньги. Моим любимым чтением были “Десять дней, которые потрясли мир” Джона Рида, и я до сих пор считаю эту книгу одним из величайших шедевров мировой публицистики.

“ЗАВТРА”: Видимо, этим детским интересом и объясняется Ваш выбор журналистики в качестве профессии, а не тем, что “учиться не надо”?

Александр КАЗИНЦЕВ: Наверное, вы правы. Причём читал я настолько усердно, что, когда закончил аспирантуру и уже потерял право пользоваться университетской библиотекой, меня тамошние сотрудницы ещё больше года пускали в аспирантский зал, поскольку это было для них так необычно: студент, потом аспирант – и круглый год у них сидит, а не только перед сдачей экзаменов, перед сессиями, как обычно...

“ЗАВТРА”: Привыкли к Вам, словно к родному?

Александр КАЗИНЦЕВ: Да, наверное.

“ЗАВТРА”: Александр Иванович, время Вашей учёбы на журфаке МГУ пришлось ровно на первую половину 70-х годов, плюс три года аспирантуры – это уже 1978 год, так сказать, самый “расцвет застоя”, а деканом журфака МГУ уже с 1965 года был и по сей день остаётся известный

либерал Ясен Николаевич Засурский. Тогда атмосфера на журфаке тоже была, как и в Вашей спецшколе, антисоветской?

Александр КАЗИНЦЕВ: Нет, здесь уже было более выраженное разделение. На журфаке учились ребята и, как тогда говорили, “из провинции”, и после армии, “рабфаковцы”, которые поступили через подготовительные курсы. Вот они, как правило, свято блюли заветы Ленина и своих отцов-командиров. К тому же, самые “сливки” тогдашней советской “золотой молодёжи” шли не на журфак, а в более престижные вузы и на более престижные факультеты, в те сферы, где их родители могли помочь “хорошо устроиться”. Конечно, у нас было отделение международной журналистики – там, да, получали образование “элитные” дети. Но и на “обычном” журфаке была своя “либеральная среда”, с которой я, не скрою, очень тесно общался и во многом разделял её взгляды. В частности, в середине 70-х годов достаточно активно участвовал в известной “университетской” группе “Московское время”, где были Сергей Гандлевский, Бахыт Кенжеев, Алексей Цветков, Александр Сопровский и многие другие, впоследствии получившие определённую известность люди. Меня в той среде, видимо, и до сих пор считают “заблудшей овцой” и пару раз – но не больше! – каждый год упоминают как “тонкого критика” или что-то ещё в том же духе.

“ЗАВТРА”: То есть условная “виза” на “западную” сторону наших литературных и в целом – идеологических – баррикад для Вас ещё не закрыта?

Александр КАЗИНЦЕВ: По крайней мере, там делают вид, что не закрыта... Кстати, Засурский часто приводил к нам, студентам, многих писателей, артистов – хорошо помню встречу с Василием Аксёновым. Американцев приводил, Сола Беллоу, например. Но я бы не отнёс ни Василия Аксёнова к традиционной русской прозе, ни Сола Беллоу – к традиционной американской. Хотя, когда надо было, например, осудить Солженицына – на факультете проводились собрания, и все дружно “литературного власовца” осуждали: кто искренне, кто “с фигой в кармане”.

Должен сказать: не то, чтобы мне очень нравился Солженицын, но участвовать в мероприятиях подобного рода не любил и до сих пор не люблю, поскольку считаю себя вправе делать только то, что сам считаю нужным, а не то, что мне указывают. Поэтому решил с того собрания на журфаке уйти. Его организаторы, будучи людьми в таких делах опытными, на выходах из зала предусмотрительно поставили добровольцев-дружинников, чтобы подобных мне “дезертиров” останавливать. Но, видно, было в моём лице что-то такое, что сразу двое “стражей” предпочли меня “не заметить”. Я до сих пор полагаю, что намного честнее и эффективнее с писателями, художниками полемизировать на творческом, в крайнем случае – на медийном, а не на административно-политическом уровне.

Ведь посмотрите, как сегодня у нас утверждают культуру “новых русских”, эту постмодернистскую, неолиберальную культуру? Её утверждают именно на медийном уровне – и это гораздо более эффективно, а главное – гораздо более эффективно, чем какая-то “политическая оценка”, которую уже тогда никто особо всерьёз не воспринимал. А сейчас многие искренне считают, что Мураками или Пелевин – это настоящие вершины, ведь другой “карты современной литературы”, ни мировой, ни отечественной, у них на руках просто нет...

Только что я был на Московской книжной выставке, представлял там восьмой, “молодёжный” номер журнала “Наш современник”, который собирал от первой до последней страницы как лучшее, что есть в русской литературе, – и зал был полупустой, а рядом пела (заметьте, пела! никогда не знал, что она, оказывается, ещё и поёт) Людмила Петрушевская – и там яблоку негде было упасть!

“ЗАВТРА”: Может, если бы и Вы, Александр Иванович, устроили рядом своей аттракцион: запели, или фокусы стали показывать, или нарядились в костюм клоуна, – получился бы похожий эффект?

Александр КАЗИНЦЕВ: Понимаю ваш сарказм, но не разделяю его. Думаю, тут работает несколько иная схема – то, что Фрэнсис Бэкон в своё время называл “идолами площади”. Людям нравится то, что связывает их

с прошлым, что было когда-то популярным, что давно и прочно стало частью их собственной жизни. Кстати, и возрастной контингент посетителей Московской книжной выставки был, мягко говоря, “40+”. У нынешней молодёжи книга уже не в чести, и это огромная общекультурная проблема, связанная, прежде всего, с глобальным переходом от “бумаги” к “дисплею”.

“ЗАВТРА”: Сейчас нередко можно слышать фразу, которую приписывают то Ротшильду, то Рокфеллеру, – о том, что “люди, которые читают книги, всегда будут управлять людьми, которые смотрят телевизор”. Интернет же можно не только “смотреть”, но и “читать” – хотя, конечно, процесс чтения “электронной книги” сильно отличается от традиционного чтения книги “гутенберговской”, печатной. Но это отдельная большая тема, которую, может быть, стоит как-нибудь рассмотреть подробнее, особым чином. Сейчас же вернёмся к Вашей, Александр Иванович, биографии. Раз Вы попали после окончания журфака МГУ в аспирантуру, значит – получили “красный” диплом?

Александр КАЗИНЦЕВ. Нет, “красного” диплома я не получал. Получил обыкновенный, “синий”. Но очень громко защитил свою дипломную работу по эволюции художественного мышления Пушкина. Оппонировать – поскольку на факультете специалиста соответствующего профиля не было – пригласили уже очень пожилого и авторитетного доктора наук из Пушкинского дома, и мой научный руководитель, Эдуард Бабаев, поэт, друг Ахматовой, просил меня об одном: “Только не поднимайте глаза, когда будете докладывать!” Ну, я и не поднимал. Но когда заявил, что моя работа, где на многочисленных примерах доказывалось, что в пушкинской лирике количество героев постепенно уменьшается и, в конце концов, от единственного “лирического героя” переходит к прямым высказываниям поэта “от первого лица”, – что эта моя работа прокладывает новый путь в изучении творчества Пушкина, наш завкафедрой просто поперхнулся.

“ЗАВТРА”: А что оппонент? Не стал Вас “топить”?

Александр КАЗИНЦЕВ: Оппонент был мэтром старой школы, поэтому сказал, что в позапрошлом году в Швейцарии была публикация такого-то пушкиниста, в которой высказывались сходные идеи; автор диплома, разумеется, с ней не знаком, поэтому напрасно “изобретает велосипед”, но имеет несомненные задатки исследователя, его работа заслуживает хорошей оценки, и так далее. А в аспирантуру меня пригласили – но не на кафедру русской литературы, где не было свободных мест, а на только что созданную кафедру критики, я был первым аспирантом этой кафедры, сам придумал себе тему диссертации, связанную с понятием творческой личности писателя, – и потом несколько лет кафедра успешно готовила аспирантов по этому, уже апробированному лекалу, но первый блин вышел комом, сам я не защитился. Моим научным руководителем была Галина Андреевна Белая, заведовал кафедрой Анатолий Георгиевич Бочаров, вместе с ним работали Юрий Суворов, Валентин Оскоцкий, – в общем, весьма спаянная группа единомышленников, которой я, что называется, не пришёлся ко двору. Тогда я, кстати, ещё не понимал причин подобного отношения, но, видимо, сыграл свою роль мой список литературы: там достаточно широко были представлены Бахтин, Кожин, славянофилы середины XIX века. А это были просто русофобы – неважно, под какими масками в данный конкретный момент они выступали: коммунистов, либералов, демократов или кого-то ещё. Тогда больших партийных “начётчиков”, чем эта компания, найти было невозможно. И они же потом стали самыми запредельными отрицателями всего советского периода в истории нашей страны – для них, кстати, Россия всегда была “этой страной”... Когда проходила предзащита, Оскоцкий сказал, что моя диссертация действует на него, словно красная тряпка на быка. Уже потом, когда я все-рьёз занимался формалистами 20–30-х годов XX века, я встретил у Бориса Энгельгардта, – кстати, единственного выходца из русских дворян в этой компании и единственного из них, кто занимался не теорией литературы, а теорией литературоведения, – чеканную фразу: “Мы элиминируем (то есть исключаем) из процесса художественного творчества творческую личность”. То есть вот некий текст, а кто его создал, зачем его создал, – совершенно неважно. Вот это как раз то, чего я категорически не приемлю... Никто не будет рожать и растить своего ребёнка специально для анатомического театра,

такой подход уничтожает всю литературу, всё искусство! Если я что-то пишу, то лишь потому, что хочу высказать наболевшее...

“ЗАВТРА”: “Глаголом жечь сердца людей...”?

Александр КАЗИНЦЕВ: Ну, конечно! Литературное творчество неотделимо от творческой личности во всей её полноте, их нельзя отделять друг от друга! Поэтому мне так близок оказался Бахтин, который рассматривал литературу и искусство как особый вид диалога между людьми, и это, на мой взгляд, очень точное представление о художественном творчестве. Надо сказать, что ещё со школы я не только занимался учёбой и научными студиями, я ещё писал стихи, так что для меня всё это представляло не абстрактный интерес, а интерес очень живой, творческой. И в этом плане мне повезло: меня познакомили с очень талантливым молодым поэтом Владимиром Полетаевым. Мы с ним были почти ровесниками: ему было 17 лет, мне – 15, но Володя знал намного больше, особенно в том, что касалось мировой и русской поэзии, литературы. К сожалению, он покончил собой в неполные 19 лет. В 1983 году в Тбилиси вышла тоненькая книжка его стихов и переводов, в том числе с грузинского языка, он успел поступить в Литературный институт на переводческое отделение и отучился там почти два курса. Так вот, Полетаев успел познакомиться с Арсением Тарковским, и общение с двумя этими поэтами очень многое для меня значило. Как-то я спросил у Арсения Александровича, общался ли он с Блоком. В ответ услышал, что нет, не довелось, но с его близким другом Евгением Ивановым был хорошо знаком. А Иванов – тот самый человек, сестре которого посвящены знаменитые блоковские стихи “Под насыпью, во рву некошеном...” Понимаете, какая глубина литературная, культурная, жизненная может быть заключена в простых человеческих связях, в общении, какие незримые нити плетутся между людьми, через пространства и поколения?! И уже, вновь обращаясь ко дню текущему, скажу, что меня и удивляет, и удручает то, что сейчас эти нити обрываются, что память, связь времён оказываются никому не нужны, что люди, особенно наши дети, начинают жить только “здесь и сейчас”, в мире “лайков” и “френдов”... Могут говорить по тому же айфону, но предпочитают писать... Я уже говорил, что сейчас очень серьёзно работаю с молодёжью. Вот восьмой номер журнала “Наш современник” за 2018 год – это тридцать молодых прозаиков, поэтов, критиков, все они охотно принимают нашу помощь, но не проявляют никакого желания узнать больше ни о Тарковском, ни о Распутине, ни о Белове, ни о Солоухине, ни о ком-то ещё, – они даже не хотят общаться друг с другом, нет обратной связи, не воспроизводится та уникальная среда, в которой, собственно, и возникает литературный процесс. А это ведь – люди творческие, ищущие, талантливые... Что уж говорить об остальных? Они подчиняются этому медийному не то, чтобы влиянию, а прямому насилию – смотрите, как сломали коммуникативный тренд в той же Прибалтике, на той же Украине, да и в самой России! Ведь тираж нашего журнала, несмотря на все усилия, упал в сто двадцать раз: с 480 до 4 тысяч экземпляров...

“ЗАВТРА”: Это происходит сегодня со всеми “бумажными” изданиями, и газета “Завтра” здесь, Александр Иванович, тоже – не исключение. В этом смысле мы с вами напоминаем, наверное, двух динозавров, ведущих гипотетическую беседу незадолго до своего массового вымирания, – всё, “экологическая ниша” сокращается катастрофическими темпами, как только школы перейдут на электронные учебники, про печатное слово как массовый носитель информации, наверное, можно будет забыть... Это Вам нужно было ходить в “Ленинку”, в университетскую библиотеку, а у них – вот оно, всё при себе, нужно только достать гаджеты (вот уж термин так термин: “гад же ты”!) и подключиться к сети. Возникает иллюзия “самодостаточности”, но при этом связь с гаджетом становится важнее связи с живыми людьми... Насчёт же того, что предпочитают писать, а не говорить, то это, наверное, потому, что смс-сообщение стоит дешевле даже секундного разговора – только приходрасход, ничего личного... И, раз уж речь зашла о журнале “Наш современник”, расскажите, как Вы сюда попали после аспирантуры. Говорят, что важную роль в этом сыграл Вадим Валерианович Кожин?

Александр КАЗИНЦЕВ: Да, после того, как мне было отказано в защите, я оказался в некоем безвоздушном пространстве. Кстати, аспирантам,

закончившим обучение, но не защитившим диссертацию, полагался тогда ещё дополнительный год для приведения всех своих дел в порядок, своего рода академический отпуск. Денег за него не платили, но и за тунеядство не привлекали. Мой отпуск, к сожалению, несколько затянулся, скажем так. Конечно, родители за меня тогда очень переживали. И в конце концов, моя матушка, неутомимая литстудийка, которая посещала студию при Трёхгорной мануфактуре, незадолго до того возглавленную Кожиновым, уговорила меня туда сходить вместе с ней. Это было особое литературное место в Москве, некоторые студийцы со стажем, глыбистые такие старики, ещё помнили живого Маяковского – он там нередко выступал в конце 20-х годов. И вот знаменитого на весь мир литературоведа, – кстати, я смотрел его библиографию, где уже в то время присутствовали практически все более-менее значимые страны мира, особенно, помню, меня сразили публикации Кожинова в Японии, – тамошние литстудийцы сначала приняли чуть ли не в штаны. Потому что он... Ему всегда было интересно общение с живыми людьми, будь то нобелевский лауреат или слесарь...

“ЗАВТРА”: Да, Вадим Валерианович, помимо всего прочего, вёл переписку с тысячами адресатов и помнил каждого из них, у него, помню, дома целая комната была завалена письмами со всего мира, и он в этом хаосе прекрасно ориентировался! Извините, что Вас перебил...

Александр КАЗИНЦЕВ: Так вот, Кожинов сразу же начал их приучать к “тихим лирикам”: читал и разбирал стихи, рассказывал о значении творчества Николая Рубцова, Владимира Соколова, Анатолия Передреева, Юрия Кузнецова, Василия Казанцева, представляете?! Там такие баталии тогда шли... А через год эту студию было уже не узнать: все стали “кожиновцами”, он никого не выгнал, но всех переубедил. Те же старики плюс молодёжь, которая туда просто нахлынула... И от Маяковского, кстати, не отказывался.

“ЗАВТРА”: А чем закончился Ваш тогдашний поход на Трёхгорную мануфактуру?

Александр КАЗИНЦЕВ: В Кожинове я сразу увидел именно то, что ожидал: очень страстного и очень знающего человека, из-за которого, можно сказать, уже заочно пострадал, поэтому решил его, что называется, “попробовать на зуб” и выступил с очень такой либеральной, на мой нынешний взгляд, речью. Потом мы шли втроем: Кожинов, моя матушка и я – к метро, и Вадим Валерианович, наполовину в шутку, наполовину всерьёз сказал, что я могу больше на его студию не ходить. Мол, двум медведям в одной берлоге не уживаться. Это, конечно, было большое преувеличение, комплимент на вырост...

“ЗАВТРА”: Думаю, Кожинов сразу разглядел в Вас если не полноценного “медведя”, то уж “медвежонка” точно, – он словами просто так не бросался.

Александр КАЗИНЦЕВ: Не знаю, но эта его фраза мне запомнилась. Вообще, Вадим Валерианович был своего рода интеллектуальным фехтовальщиком, очень умелым и даже артистичным. Он был способен одной-двумя фразами обезоружить своего оппонента, и тому не оставалось ничего иного, кроме как признать свою неправоту и поражение или ретироваться с “поля боя”. Кроме того, он выполнял роль нынешней Википедии: если вы чего-то не знали или в чём-то сомневались, нужно было всего лишь позвонить Кожинову и сразу же получить от него точную информацию, да ещё с необходимыми ссылками на первоисточник. И очень редко можно было услышать от него: “Саша, подождите, я сейчас посмотрю там-то и там-то и сразу вам перезвоню...” В общем, та встреча перешла сначала в знакомство, а потом – во многолетнюю дружбу, но тогда Кожинов всерьёз озаботился моим трудоустройством и месяца через три-четыре, помнится, позвонил мне примерно с такими словами: “Всё, Саша, теперь ваша судьба решена. Юрий Иванович Селезнёв идёт заместителем главного редактора журнала “Наш современник” и берёт вас сотрудником отдела критики”. Сам Юрий Иванович, отправленный в “Наш современник” с поста главного редактора серии “Жизнь замечательных людей” в издательстве “Молодая гвардия”, проработал здесь меньше года, а вот я, как видите, “подзадержался”.

“ЗАВТРА”: Вадим Валерианович как в воду глядел насчёт Вашей судьбы, получается. А с Селезнёвым, кажется, был какой-то громкий скандал?

Александр КАЗИНЦЕВ: Да, дело дошло до ЦК КПСС и соответствующего постановления. Сергей Васильевич Викулов, поэт и тогдашний главред “Нашего современника”, видел в Юрии Селезнёве – совершенно необоснованно! – своего конкурента и креатуру Альберта Беляева, тогдашнего заместителя заведующего отделом культуры ЦК, который Селезнёва на самом деле просто ненавидел. И, уходя в отпуск, Викулов оставил своему заму полный карт-бланш на 11-й номер 1981 года, точно рассчитав, что тот использует эту возможность для публикации “своих” материалов и где-то оступится... А Юрий Иванович “зарядил” одновременно статью Кожина “И назовёт меня всяк сущий в ней язык...”, повесть Владимира Крупина “Сороковой день” плюс статью Сергея Семанова о Чернышевском. Когда эту ситуацию обсуждали на секретариате Союза писателей РСФСР, чьим органом являлся журнал “Наш современник”, мудрый Феликс Кузнецов вслух изумлялся: “Это же безумие! Что, Селезнёв – безумец?! Или он правил не знает? Как он мог поставить сразу три таких материала в один и тот же номер?!” Но Селезнёв безумцем не был. Он просто понимал: эти сверхнужные, с его точки зрения, материалы увидят свет или сейчас, или никогда. И пошёл на невероятный, по тем временам, риск. Ведь при нём серия “ЖЗЛ” начала, что называется, “греметь”: вышли книги Михаила Лобанова про Александра Островского, Игоря Золотуского о Гоголе, Юрия Ложица о Гончарове. Это был новый взгляд на классическую русскую литературу, абсолютно неприемлемый для тогдашней идеологической машины. Обломов, например, представлялся не как отрицательный персонаж, воплощение “обломовщины”, “русской лени”, а как глубоко симпатичный самому автору герой, ставящий под вопрос приоритетную роль общественного, технического и прочего прогресса; что в споре Белинского с Гоголем прав был всё-таки не “неистовый Виссарион”, а автор “Мёртвых душ”; что описанное Островским “тёмное царство” было не столь уж “тёмным”, – в общем, всё это было непростительной “ересью” в стенах марксистского “монастыря” истории русской литературы XIX века. При этом успех у читателей был колоссальный. Поэтому Селезнёва из “Молодой гвардии” – издательства, не журнала! – убрали без скандала, просто перевели в “Наш современник”.

“ЗАВТРА”: А он, получается, и здесь принялся за своё?

Александр КАЗИНЦЕВ: Да, Юрий Иванович был, что называется, бойцом до мозга костей. Если бы не это его качество, то, наверное, и прожил бы подольше, и сделал бы побольше. А так он ещё успел дописать и выпустить в свет свою книгу о Достоевском, а потом – оказавшийся смертельным внезапный инфаркт в 45 лет... Кстати, Кожина, хотя он продолжал оставаться научным сотрудником Института мировой литературы, несколько лет после этого скандала практически нигде не печатали, и только с началом “перестройки” эта ситуация изменилась.

“ЗАВТРА”: Как Вам работалось все эти годы в “Нашем современнике”?

Александр КАЗИНЦЕВ: Знаете, Сергей Васильевич Викулов долгое время относился ко мне, “человеку Селезнёва”, скажем так, с недоверием. И каждый новый его заместитель стремился “этого Казинцева” уволить. Тем более что я долгое время не печатался в “Нашем современнике”, считая неприемлемым “использовать служебное положение”, а отдавал свои тексты в издания, которые идеологически журналу Викулова тогда противостояли: в “Литературную газету”, в “Вопросы литературы” и так далее, где их достаточно охотно публиковали. Для меня такие публикации служили подтверждением моей профессиональной состоятельности, плюс я не участвовал во внутриведомственной борьбе за “площади”, но на общем фоне это выглядело, наверное, необычно, и меня многие коллеги считали чем-то средним между “белой вороной” и “засланным казачком”. Но дело было ещё и в том, что при Викулове “Наш современник”, в общем, выражал народные взгляды на жизнь и перспективы нашей страны, а народные взгляды редко соответствуют взглядам властей, и потому властям, как правило, не нравятся. Поэтому часто по журналу выходили разные грозные постановления: от Союза писателей РСФСР до ЦК КПСС, состав редакции не раз почти полностью менялся, но Викулову неизменно удавалось удержаться на своём посту – во многом из-за поддержки Юрия Васильевича Бондарева, с которым он был очень дружен и который, в свою очередь, был любимцем наших военных. Бондаревская

“лейтенантская проза” полностью соответствовала их — ребят, ушедших на фронт совсем молодыми, выживших в этом аду, одержавших великую Победу 1945 года, ставших потом генералами и маршалами, — видению войны. А к мнению военных прислушивался сам Брежнев...

Викулов до конца “бился” за прозу тех же “деревенщиков”. Например, когда в 1974 году шла речь о публикации повести Валентина Распутина “Живи и помни”, ГлавПУР во главе с генералом Епишевым буквально встал на дыбы: “Кого вы воспеваете? Дезертира, предателя? Это же диверсия!” Тогда Викулов пошёл в ЦК и поручился за Распутина, что называется, головой и партбилетом. А вот поэзию и критику Сергей Васильевич не особо жаловал. Помню, говорил: “Александр Иваныч, вот Сергей Орлов покойный мне не раз советовал: да прикрой ты эту критику в журнале, одни проблемы от неё...” Сергей Сергеевич Орлов, прекрасный поэт, автор знаменитого стихотворения “Его зарыли в шар земной...”, был не только фронтовиком-танкистом, но и земляком Викулова, у них были очень тёплые отношения... Но вся идеология тогда шла через критику, поскольку публицистика — в “Нашем современнике” она была замечательная, боевая — затрагивала всё-таки конкретные проблемы общественной и хозяйственной жизни: вырубку лесов, утрату чернозёмов, поворот рек, “неперспективные” деревни, пьянство и так далее. А в критике идеология проявлялась больше всего, поэтому Викулов её опасался как источника возможной беды и всегда загонял куда-то в угол. Поэтому ни Кожина, ни Ланщикова видеть на страницах журнала не хотел.

Но литературная критика всё-таки была положена “по штату”, и закрыть её было нельзя. Интересно, что каждый заместитель главного редактора, который за неё отвечал и хотел “этого Казинцева” — по разным причинам — уволить, с течением времени начинал меня всё больше ценить и относиться ко мне уже по-человечески, но тут его увольняли. Сам Викулов не был москвичом, пришёл из Вологды, никаких особых связей в столице не имел, опереться ему было не на кого, поэтому легко принимал людей на работу и так же легко расставался с ними. На моей памяти, с 1981 по 1989 годы при Викулове полностью сменилось два или три полных состава редакции.

Это было одновременно и плохо, и хорошо. Потому что всё кипело, варилось, всегда добавлялось что-то новое, конкуренция была невероятной, а напечатать “нужного человечка” за какую-то мзду, “междусобойчик” — нет, это у него не проходило. Для него “нужным человечком” был Распутин, был Белов, был Астафьев... Меня же он не увольнял и не повышал, так я постепенно превратился в заслуженного старожилу “Нашего современника”.

А переломным в отношениях с Сергеем Васильевичем стал выезд редакции журнала в Тверь, тогда Калинин. Уже вовсю цвели перестройка и гласность, тираж “Нашего современника” достиг 300 тысяч экземпляров, нас стали приглашать на выступления в разные города Советского Союза. И вот мы поехали в Тверь. Нас повезли по городу, завели в самый главный и известный храм — Белую Троицу, а там, пока экскурсовод рассказывал о его истории, я отошёл в придел — помолиться. Туда зашёл и Викулов, думаю, с той же самой целью. И увидел, как я крещусь. После этого ледок растаял, он мне поверил, сделал меня заведующим отделом поэзии, а через несколько месяцев — и своим заместителем.

“ЗАВТРА”: В общем, Вы пережили период достаточно суровой борьбы за выживание. А что в те годы представляла собой редакция “Нашего современника”?

Александр КАЗИНЦЕВ: О, это были незабываемые люди! Когда они собирались вместе — такие баталии шли, будь то заседание редколлегии или праздничное застолье! Ещё не здесь, на Цветном бульваре, а на улице Писемского была наша редакция, и туда приезжали Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Евгений Носов, Гавриил Троепольский, Валентин Солоухин, Василий Белов... Астафьев и Носов, как правило, садились по торцам стола и, фронтовики-горлопаны с хорошо поставленными голосами, начинали “катать” через него солёные истории, с матерками и прочими причиндалами. Женщин у нас в редколлегии тогда не было, так что они не стеснялись... Своё слово, окая, всегда вставлял Солоухин. Распутин же, почти самый младший из них, в основном слушал, сидел молча. А Троепольский — рядом с ним лежала стопка разных литературных журналов, да ещё с пометками и закладками, — недовольно постукивал остро отточенным карандашом по столу, ожидая, когда

эти пацаны-бузотёры уймутся и можно будет заняться делом... Конечно, каждый из них был наособицу, но до поры до времени все, можно сказать, дружили между собой, потому что ценили, прежде всего, талант. А вот когда ситуация изменилась, тогда на первый план выдвинулись общественная позиция и личные человеческие качества. Произошёл раскол. Белов и Распутин категорически поддержали Викулова в его неприятии “перестройки”, зато Астафьев стал её сторонником, а Носов его как-то по-дружески поддержал.

Помню, как-то уже в 90-е годы мне пришлось публично поругаться с Астафьевым. Это было в одной из питерских библиотек на организованной там читательской конференции. Виктор Петрович её вёл и как-то неосмотрительно начал с такой похвалы ельцинскому режиму: мол, все говорят, как плохо мы сейчас живём, а я вот был на Пасху на кладбище и видел, сколько туда приехало машин-“иномарок” – видимо-невидимо. А я на ту конференцию попал прямо с московского поезда и по дороге проезжал мимо кладбищ, которые настолько разбухли, что уже вывалились за ограду – прямо в болото, и многие кресты торчали из воды. И я тогда воспользовался оплошностью живого классика и сказал, что выдающийся писатель всегда точно подмечает значимые детали и даже когда хочет похвалить Ельцина, то ничего, кроме кладбища, ему на ум не приходит. И рассказал, как безумно расширились кладбища при новой, “демократической” власти, а это – вовсе не повод для торжества, а свидетельство вымирания нашей страны. Астафьев промолчал несколько часов, пока шла конференция, но зато в конце обрушился на меня с яркой, наверное, получасовой речью, в которой всё время себя “заводил”, а закончил её фразой: “И сдохнете вы вместе с вашим Куняевым раньше меня”. Но – человек предполагает, а Бог располагает...

Я думаю, что в провинции и тогда, и сейчас писателям намного сложнее, чем в столицах. Не столько в плане каких-то жизненных благ или социального статуса, а, прежде всего, в творческом плане. Потому что местное начальство всегда выдёргивает его на совершенно ненужные ему как художнику, творцу публичные мероприятия с целью наглядно продемонстрировать своим высоким гостям местную знаменитость и расцвет культуры на вверенной территории. Про “встречай-провожай-развлекай” даже говорить не приходится... Тот же Евгений Иванович Носов жаловался, что его переквалифицировали в экскурсовода по Курску и области. Делалось это, может, и не со зла, из лучших побуждений, но писателям-то от этого было не легче. Творчество, как и любовь, – не тот процесс, который совершается у всех на виду.

“ЗАВТРА”: Ваши отношения с Викуловым наладились, а отношения с Кожинным? Они продолжались?

Александр КАЗИНЦЕВ: Да, они продолжались, но для работ Вадима Валериановича путь в “Наш современник” долгое время был закрыт. Переломным моментом стала его статья, посвящённая роману “Дети Арбата”. К тому времени в журнале уже были опубликованы два отклика на этот роман, Анатолия Ланщикова и Николая Федя, поэтому, казалось бы, третий раз обращаться к этой теме было уже излишним, но я убедил Сергея Васильевича, что это абсолютно блистательный материал. Так оно и было, поскольку работа Кожиннова представляла собой новую концепцию истории нашей страны, а очень посредственный роман Анатолия Рыбакова был только поводом для её изложения. И эта публикация, думаю, стала переломной и для самого Кожиннова, обозначила его выход из литературной сферы в сферу истории, философии и, можно сказать, политики.

“ЗАВТРА”: Через несколько месяцев после Вашего назначения Викулов ушёл с поста главного редактора журнала. Что, по-вашему, стало причиной такого решения?

Александр КАЗИНЦЕВ: Должен сказать, что Сергей Васильевич был человеком исключительной честности. И, когда он понял, что возникли другие структуры общественной жизни, что ситуация изменилась, что он ситуацией больше не владеет и её не понимает, то и решил уйти. И сам подыскал себе преемника, Станислава Юрьевича Куняева, чья статья о Владимире Высоцком просто восхитила Викулова – и своим содержанием, и той прямотой, с которой там всё было сказано. Он увидел в Куняеве абсолютную несгибаемого человека, который сможет вести, “вытянуть” журнал в этой новой ситуации – и прошедшие с того времени почти тридцать лет полностью подтвердили

правоту его выбора. Предваряя ваш неизбежный вопрос, скажу, что про Станислава Юрьевича здесь говорить ничего не буду, потому что это совершенно отдельная и очень близкая мне тема, к тому же он – мой непосредственный начальник. Мы работаем вместе уже тридцать лет – разве этого мало?

“ЗАВТРА”: Наверное, Вы правы. Тем более что нынешний Ваш путь – уже у всех на виду, всем достаточно хорошо известен. Остановимся лишь на одном моменте – Ваш 40-й день рождения, 4 октября 1993 года, пришёлся на день расстрела Верховного Совета России, и с тех пор, а прошла уже четверть века, Вы, получается, навсегда вместе с этим трагическим событием. Как Вы пережили тот “чёрный октябрь”, какие Ваши воспоминания с ним связаны?

Александр КАЗИНЦЕВ: Извините, для меня это очень непубличная и очень большая тема, поэтому даже не для печати, а под запись ничего говорить не буду.

“ЗАВТРА”: И в завершение нашего с Вами, Александр Иванович, разговора – такой, может быть, несколько странный вопрос. Был ли у Вас, отпечатался ли в Вашей памяти момент или эпизод, который Вы считаете, который Вы можете назвать неким метафорическим соответствием своей жизни, её смысла и предназначения на этой земле?

Александр КАЗИНЦЕВ: Думаю, этот момент ещё не наступил, он впереди.

“ЗАВТРА”: Большое спасибо за беседу!